

по лезвию
бритвы

Светлана
и Андрей
КЛИМОВЫ

ГОЛОДНЫЙ ДЕМОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
К49

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Светлана Бочарникова*

ISBN 978-966-14-1619-1 (PDF)

- © Климовы С. и А., 2004, 2008
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008

От полуночи до часа

Нужный мне дом отыскался не без труда. Еще утром, когда я впервые взглянул сверху на этот шахтерский городишко через выпуклое стекло кабины четырехместного «L-200», он показался мне похожим на запыленный подгоревший сухарь, и к вечеру это ощущение только усилилось: я брел по пустым улицам, как по старому пепелищу.

Возле пятиэтажки, задвинутой в глубину двора, также было безлюдно. Я посмотрел на часы — стрелка приближалась к восьми. При мне был небольшой потертый портфель с парой носовых платков, зубной щеткой, мылом, чистой тайваньской футболкой и книжкой рассказов Хулио Кортасара. Бумажник находился во внутреннем кармане пиджака, а блокнот и ручку я час назад запер в сейфе вместе с документами, сдав ключ от кабинета насупленному брыластому господину в чине майора внутренних войск. Он же встречал нас на аэродроме, с ходу сообщив как нечто само собой разумеющееся, что в единственной гостинице города места забронированы только для двоих моих спутников.

Как недавний выпускник юрфака, я досиживал год стажировки в прокуратуре, постигая непредсказуемую реальность, а следовательно, являлся существом подневольным и бессловесным. И уж, конечно, в эту командировку не рвался. Начальство двинуло меня на подмогу коллегам из областного управления, занимав-

шимся борьбой с экономической преступностью. Предстояло разбираться с чрезвычайно запутанной документацией, а где придется скоротать ночь, мне было совершенно безразлично.

Само собой, среди груды папок строгой отчетности половина документов оказалась чистой липой. Во второй половине дня я затребовал нотариуса и бухгалтера-консультанта, пообещав к завтрашнему вечеру представить докладную о положении дел; а в восемнадцать тридцать к нам, очумевшим от праведных трудов и бумажной пыли, заглянул все тот же майор и сунул мне бумажку с адресом.

— Это наш бывший сотрудник, пенсионер. Живет один в двухкомнатной квартире. Тебе там будет удобно. Мы уже созвонились, обо всем договорено. Садись на третий автобус и дуй до конечной. Оттуда — через дворы... На сегодня все. — Он брезгливо окинул взглядом криминальную документацию и, не прощаясь, испарился.

Вопреки майорским указаниям я отправился на ночлег пешком через весь город, окутанный запахом терриконовой гари. Мне хотелось напрочь стереть из памяти и майора, и то, что я вычитал в пыльных папках. Так сказать, сменить мертвый казенный интерьер на оживленную суету вечерних улиц... Странное дело, но на протяжении всего пути я почти никого не встретил, только на остановке замученный работяга, дыша застарелым перегаром, ответил на мой вопрос: «Чеши по ходу автобуса», — и неопределенно махнул рукой.

И я почесал.

Четвертый подъезд зиял, как темная щербатая пасть; я поднялся на второй этаж и нажал кнопку звонка, от-

ступив на шаг. Однако квартира, указанная в бумажке, безмолвствовала.

Я закурил, ткнул в звонок еще раз и начал спускаться, испытывая безотчетное облегчение и раздумывая, как бы побыстрее отыскать гостиницу...

Глуховатый мужской голос заставил меня остановиться на половине марша:

— Егор Николаевич! Башкирцев!.. Погодите!

Бросив окурок в пролет лестницы, я вернулся к двери. Мучнистое лицо пожилого человека наклонилось ко мне. С некоторой досадой он произнес:

— Я ждал вас к девятнадцати ноль-ноль. Мне звонил Зуев. — В его потухшем взгляде что-то затрепетало. — Проходите же! Меня зовут Дмитрий Ильич. Фамилия — Скалдин.

Я молча переступил порог квартиры, и дверь за мной мгновенно была заблокирована тройным поворотом ключа и щелчком стопора на автоматическом сейфовом замке. Меня провели в комнату, где горела матовая чешская люстра и был накрыт к ужину круглый стол на двоих. Бархатная темно-синяя скатерть, блюдо с закусками, белизна фарфора. Как в провинциальном ресторане в Прибалтике в прежние времена. Все дело портили только бумажные салфетки да засохшие цветы в хрустальном сосуде, изумительно напоминающем формой армейский сапог с укороченным голенищем.

Однако несмотря на то что в течение дня я питался исключительно жидким чаем и гранитной твердости кексом из ведомственного буфета, мой аппетит упал до нуля. Крепкая спина хозяина дома показалась мне мучительно напряженной, а короткая, неровно заго-

ревшая шея в потертом вороте голубоватой сорочки поблескивала бисеринками пота.

— Где можно вымыть руки? — спросил я Дмитрия Ильича, вызвав этим невинным вопросом такой бурный всплеск деятельности, что мне стало поневоле стыдно за себя. Что за паршивый снобизм? Этот человек совершенно искренне счастлив оттого, что я остаюсь ночевать в его доме.

Мне показали квартиру, при этом Скалдин вдруг снова возбуждился и заговорил неестественно громко и просительно. Его гладко выбритое круглое лицо ожило, задвигалось и порозовело, а бледные губы горько изогнулись, сделав его похожим на старого лагерного педераста. «Там мой кабинет, а заодно и спальня, — услышал я. — Вам будет постелено здесь, на диване. Я, знаете ли, привык жить один», — зачем-то добавил он, поведя указательным пальцем в сторону плотно закрытой двери «кабинета».

Я терпеливо слушал, озираясь без особого интереса. Комната, где мы продолжали топтаться у накрытого в честь моего появления стола, была просторной, совершенно квадратной, с большим балконным окном во всю стену, наглухо задраенным на все шпингалеты. Окно было без форточки, прикрытое до полу прозрачным тюлем. Отодвинув гардину, я выглянул — слева от балкона мне померещились в сумерках ржавые перекладыны наружной пожарной лестницы.

Свежий воздух поступал из распахнутого окна в небольшой кухне; квартира была спланирована так, что в гостиную сходились все двери: прихожей, «кабинета» хозяина и кухни. Именно через прихожую оказалось необходимо пройти, чтобы умыться, тогда как

сам Дмитрий Ильич суетливо посеменял в противоположном направлении — поставить чайник.

Следов женщины в доме я нигде не обнаружил, из чего заключил, что Скалдин — службист старой закалки, а ныне нищий пенсионер — относится к числу закоренелых холостяков. Отсюда и все его странности...

Умывшись, я возвратился на кухню и спросил разрешения закурить. Со двора не доносилось ни звука, не слышно было даже шелеста пропыленной акации под окном. Случайно столкнувшись взглядом с блеклыми глазками Дмитрия Ильича, я вздрогнул: там металось все что угодно, только не умиротворенность. Он неловко склонился над закипающим чайником и пробормотал вполголоса:

— Послушайте... Вы хорошо знаете Зуева?

— А кто это? — еще тише спросил я..

— Тот, кто сообщил мне о вас.

— Нет.

— Если Зуев позвонит, подойдите к аппарату в гостиной и велите ему немедленно прибыть сюда...

— Зачем? — Я произнес это так громко, что Скалдин замер.

Радуга в его глазах, вспыхнув, истаяла.

Сумасшедший, подумал я. Сунули на ночь к отставнику, последние мозги растрясшему на службе.

— Хорошо, — согласился я уже потише. — Будет исполнено. Давайте я отнесу чайник.

— Там подставка на столе, — сказал он мне в спину без всякой интонации. — Я уже заварил.

С чайником в руках я отправился в квадратную гостиную и сел за стол лицом к темному балкону.

Обмотанная синей изолентой телефонная трубка безмолвно покоилась на пыльном аппарате, стоявшем на тумбочке рядом с телевизором, который при ближайшем рассмотрении оказался «Панасоником» девяносто шестого года выпуска. Я пошарил глазами в окрестностях и обнаружил на столе «Коммерсантъ» за позавчерашнее число. Поверх газеты лежали золотые швейцарские часы с тяжелым, как кастет, браслетом.

Мне остро захотелось, чтобы наше чаепитие оказалось как можно более кратким, однако Дмитрий Ильич уже бодро выдвигался из кухни, держа перед собой поднос, на котором имели место заварной чайник, сахарница, две расписанные кровавыми маками чашки и серебряная плетеная конфетница с сухарями и плиткой шоколада. Еще там лежал настоящий «паркер» и небольшой блокнот в кожаном переплете. Лицо Скалдина казалось несколько просветлевшим.

Вместе со стулом я придвинулся к столешнице.

— Вам покрепче, Егор Николаевич? — спросил он в полный голос. — Люблю крепкий... Не звонили? — Это было произнесено одними губами.

Я отрицательно дернул головой и уткнулся носом в чашку, вдыхая аромат стопроцентного «Липтона». Через секунду передо мной возникла тарелка с салатами, ветчиной, ломтиками розового балыка и еще бог знает чем.

— Ешьте, — равнодушно обронил хозяин дома и, с неприязнью покосившись на телефон, добавил: — Хороший вечер, тихий. Я вообще к ночи себя лучше чувствую.

— А меня в сон клонит, — проговорил я. — Работы до черта, Дмитрий Ильич.

— Понимаю, — кивнул Скалдин. — Я постелю вам, Егор...

— Не нужно, — сказал я. — Не беспокойтесь.

— Ешьте, — повторил он.

— Я не голоден.

— Как угодно. — Дмитрий Ильич, как бы колеблясь, поднялся. — Тогда я, пожалуй, уберу со стола.

Однако вместо этого он что-то стремительно начертал на листке, бесшумно отделенном от блокнота, и протянул мне.

«У вас есть оружие? Мне срочно необходимо какое-нибудь огнестрельное оружие. Поверьте, причинять вам вред не в моих интересах!» — прочитал я и быстро взглянул на его предельно сосредоточенное лицо. Там застыла сумасшедшая тоска.

— Нет. — Я осторожно возвратил листок. — Мне по штату не положено.

Он тут же скомкал бумажку, молча собрал посуду и неспешно прошагал на кухню.

Я вышел следом покурить, захватив забытую сахарницу, и увидел, как он сжигает листок из блокнота, сбрасывает пепел в раковину, а затем моет и аккуратно расставляет по местам посуду. Еще минут пять, пока сигарета тлела, я имел возможность видеть его мягкие сутуловатые плечи — Дмитрий Ильич стоял перед распахнутым кухонным окном, глядя на чернеющие сучья акации. Казалось, ко мне он утратил всякий интерес.

— Спокойной ночи, Егор Николаевич, — наконец произнес он, оборачиваясь. — Постельное белье на подушке. Не забудьте, укладываясь, закрыть дверь на кухню и в прихожую. Утром — чай, в холодильнике найдете еду. Телефон я отключу...

С каким-то печальным превосходством он окинул взглядом убогую кухоньку, сфокусировался на моей переносице и, услышав, что я мямлю неуклюжие слова благодарности, махнул рукой.

— Да ладно уж, — снисходительно заметил Дмитрий Ильич. — Видал я их всех в гробу... Не могли кого посOLIDнее прислать...

Он скрылся в гостиной, а еще минуту спустя в наступившей тишине раздался резкий щелчок захлопнувшегося замка в двери его «кабинета».

Я взглянул на часы — восемнадцать минут десятого. После второй сигареты подряд, явно лишней, на меня навалилась свинцовая усталость. Я доплелся до ванной, почистил зубы, погасил везде электричество и приготовил себе постель на диване.

Прежде чем улечься, я закрыл обе двери — на кухню и в прихожую, как велел Скалдин, и осмотрел комнату при свете ночника. Газета и часы лежали на прежнем месте; я осторожно выдвинул ящик тумбочки — там обнаружили «паркер», блокнот, пенсионное удостоверение, пара чистых конвертов и потертый бумажник. Я скинул туда же часы и снова распахнул дверь на кухню — оттуда сразу повеяло прохладой. Спать в душном помещении было выше моих сил.

Машинально я осмотрел балконное окно — оно было закупорено наглухо, как в суровые холода, не стоило и пытаться его открыть.

Едва я приземлился на диване, сон обрушился на меня, будто незримая рука стерла с лица земли одним движением и мою особу, и весь этот город со всеми его обитателями...

В полночь, мокрый как мышь от липкого ужаса, я так же мгновенно проснулся. Такое со мной проис-

ходило впервые. На мгновение показалось, что из проема кухонной двери в гостиную проникает медный свет огромной полной луны, хотя еще накануне вечером она пребывала в первой четверти. Не в силах повернуть голову, я покосился на балкон. Там, слева над перилами, отчетливо чернел скелет пожарной лестницы; дверь была все так же мертво задраена.

Тишина стояла оглушительная, если не считать сумасшедшего стука моего собственного сердца. Я лежал, вцепившись скользкими от пота пальцами в колючее солдатское одеяло, и боялся пошевелиться.

Наконец я собрался с духом и повернул голову в сторону хозяйского «кабинета». Между полом и кромкой двери желтела полоска света — Дмитрий Ильич не спал, но я подавил в зародыше желание постучать к нему, резко рванул шнур ночника — это движение вернуло мне ощущение реальности — и сразу же зафиксировал время: пять минут первого. Толчком вздернув непослушное тело с дивана, я, как был, в футболке, трусах и чужих шлепанцах, отправился курить на кухню.

Никакой луны за окном не было — темнота, едва уловимое шевеление ночного воздуха и полное безмолвие. Но меня все еще не отпускало: прожорливое нечеловеческое существо, казалось, наблюдает за моими бессмысленными движениями из мрака... «Идиот!» — мысленно воззвал я к собственному рассудку, вцепляясь в смятую пачку «Ротманс».

Щелчок зажигалки немного привел меня в чувство. Я как бы увидел себя со стороны глазами незримого монстра и посоветовал ему подыскать кого-нибудь поаппетитнее: от меня разлило кислым потом, мышцы обмякли и подрагивали, от страха я был близок к оргазму. Докурив сигарету до фильтра, я вроде бы по-

чувствовал себя спокойнее. В шестнадцать минут первого, прихватив из ящика кухонного стола хлебный нож, я возвратился на свой диван, погасил ночник, сунул нож под подушку и натянул одеяло на плечи.

Свет в комнате Скалдина уже не горел. Однако заснуть сразу я не смог, испытывая двойственное чувство: с одной стороны, я казался себе полным мистическим кретином, с другой — меня по-прежнему что-то тревожило и не отпускало, нервы мои были натянуты — только тронь... Наконец, глубоко и ритмично дыша, я убедил себя, что все это — следствие многодневного переутомления, и ухнул в объятия Морфея.

В семь утра я был на ногах. Солнце освещало гостиную, из кухонного окна гремел воробьиный щебет, в животе у меня урчало от голода — но в этом доме я не собирался задерживаться. Ни на секунду.

К месту работы я добрался автобусом — в чистой футболке, умытый, не забыв водворить хлебный нож на место и захлопнуть дверь квартиры заслуженного пенсионера. Сам Дмитрий Ильич из своего «кабинета», слава Богу, не показывался.

Прежде чем покинуть место моего бурного ночлега, я все-таки его тщательно осмотрел. Обойдя дом вокруг, ничего особенного я не обнаружил. Пожарная лестница и впрямь проходила по фасадной стене в полуметре от скалдинского балкона. Она была довольно широкой и, несмотря на отсутствие нескольких перекладин, с виду крепкой. Справа от нее, на расстоянии чуть более метра, располагалось следующее окно, по моим вычислениям — «кабинет» Дмитрия Ильича. При желании до жестяного отлива окна можно было дотянуться рукой или, при определенной сноровке, перебраться на балкон. Створка окна «кабинета» бы-

ла открыта ровно наполовину. В утреннем освещении пятиэтажка показалась мне еще более обшарпанной, чем вчера вечером. Легкий ветерок гонял по пустому двору обрывки бумаги, вдалеке визгливо брехала дворняга — в общем, дыра, гиблое место, и не мудрено, что в полночь мне привиделась несусветная чушь. Кое-как перекусив в служебном буфете, я приступил к работе. День покатился с такой скоростью, что я напрочь забыл о существовании Дмитрия Ильича.

Тем же вечером поезд увозил меня и моих коллег. Я лежал на верхней полке, вполглаза почитывая Кортасара, пока мои спутники шумно ужинали внизу, и в течение получаса из моей памяти успел улетучиться и сам шахтерский городок, мелькнувший и пропавший за мутным вагонным стеклом, и все, что произошло со мной минувшей ночью...

Через пару дней, в субботу, я был срочным звонком вызван в прокуратуру. День был нерабочий, и меня по чистой случайности застали дома. Недоумевая, я сунулся было в свой отдел, но дежурный переадресовал меня к высокому начальству. Там меня усадили в кресло и представили уже знакомому мне по недавней командировке брыластому майору.

— Зуев, — сквозь зубы назвался он, и в голове у меня что-то щелкнуло, но не окончательно; этого майора я не видел ни разу с того момента, как он всучил мне бумажку с адресом хозяина квартиры.

Я вопросительно уставился в его мрачно-сосредоточенное, несколько обрюзгшее лицо.

— Егор Николаевич, — сказала начальство, — когда вы ночевали у Скалдина, вы ничего подозрительно-го там не заметили?